

На следующее утро Дин Тянь поднялся ни свет ни заря. Третья тетушка принесла ему дымящуюся яичную кашу:

— Ешь побольше, Тянь-эр. Дин Мо сегодня тоже собирается в уездный город. Вот и славно: он умеет править, пускай тебя и подвезет.

У семьи Дин имелась своя повозка. И пусть самая простая, с продуваемым всеми ветрами дощатым кузовом, для деревни она все равно оставалась роскошью. Дин Тянь заранее обил кузов изнутри тонкими листами войлока, так что теперь ветер не гулял по щелям, и юноша мог сидеть внутри, не боясь простудиться.

Но дороги в этих краях были отчаянно разбиты, а о рессорах или хоть какой-то амортизации здешние телеги и слыхом не слыхивали. Трясло так, что Дин Тянь едва не вывернуло наизнанку вместе с наспех съеденным завтраком.

Дин Мо приходился ему двоюродным братом из того же поколения, но был немного старше, поэтому Дин Тянь звал его уважительно — брат Мо.

Сегодня брат Мо правил повозкой: ему нужно было съездить в город за припасами. Обычно он ходил туда пешком, взвалив на плечи тяжелое коромысло, но с лошадью и телегой дело спорилось куда быстрее.

Запряжена повозка была неказистой шестилетней кобылой — той самой, на которой в свое время вернулся со службы покойный отец Дин Тяня, Дин Дахай. Лошадь держали на подворье у третьего дяди, который на рассвете сам пришел и запряг ее. С его-то хлипким телосложением Дин Тянь держаться в седле все равно бы не смог, да и прежний хозяин этого тела, откровенно говоря, ездить верхом совершенно не умел. Приходилось довольствоваться телегой.

Лошадка неспешно трусила вперед, и вскоре братья без каких-либо приключений добрались до Города Ньюцзяо. Дин Тянь впервые в жизни видел историческое поселение времен старой династии воочию.

Город оказался на удивление внушительным. Очевидно, сказывалась близость к границе: высокие, мощные крепостные стены щерились зубцами, надвратными башнями и бойницами. Все укрепления выглядели совсем свежими — старый город до основания выжгли пожары недавней войны, так что эти стены возвели заново, на совесть, сделав их неприступными на вид.

У ворот несли караул вооруженные солдаты. Брат Мо, завидев их, приветливо махнул рукой, перекинулся парой слов, и их беспрепятственно пропустили внутрь.

— Брат Мо, ты их знаешь? — поинтересовался Дин Тянь, высунувшись из повозки.

— Да так, примелькались, — усмехнулся Дин Мо. — Во время войны из нашей деревни постоянно набирали людей на подвоз провианта. Я несколько раз ездил с обозами, там с ними и пересекался. Имен друг друга мы не знаем, но, считай, вместе лямку тянули. Так, шапочное знакомство. Зато теперь нас в город без лишних расспросов пускают. Когда война закончилась, часть служивых разъехалась по домам, а тех, кому возвращаться было некуда, оставили здесь. На севере от Города Ньюцзяо построили для них казармы. Теперь они тут гарнизоном стоят, обживаются понемногу.

Военный лагерь на севере разбили неслучайно — именно оттуда всегда грозила опасность. Пусть война и закончилась сокрушительной победой Великой Цин, но береженного бог бережет: случись набег кочевников снова, гарнизон должен встретить их во всеоружии.

— Вот оно как, — протянул Дин Тянь, оглядываясь по сторонам.

Город действительно отстроили с нуля. Улицы ложились ровной сеткой, вдоль дорог тянулись аккуратные ряды новых домов, вот только жителей на улицах почти не было видно.

Планировка Города Ньюцзяо во многом отражала суровые реалии приграничья. Сам город вытянулся длинной полосой, в самом центре которой располагалась обнесенная высокой каменной стеной уездная управа. Из-за особенностей рельефа в этой внутренней крепости имелось всего двое ворот — южные и северные. Каждое утро с первыми лучами солнца эти ворота распахивались, а на закате намертво запирались. Внутри этого защищенного кольца селились в основном зажиточные горожане, чья безопасность обеспечивалась гарнизоном и крепкими стенами.

В мирные времена под началом уездной управы находилось пять старост трех деревень и пятнадцать деревенских старост — каждые три деревни объединялись в один округ-ли. Однако после опустошительной войны население уезда сильно сократилось, а многие деревни и вовсе превратились в пепелища. Теперь на весь уезд осталось лишь три старосты трех деревень да девять деревенских старост.

До дальних поселений рука закона и защита управы дотянуться не могли, поэтому выживать крестьянам приходилось своими силами. Так в деревнях зародилось ополчение: крепкие молодые мужчины брали в руки охотничьи рогатины, вилы и селились общиной, патрулируя окрестности в беспокойные времена. Сами деревни тоже обносили высокими глинобитными стенами — выше человеческого роста, под три метра. В сытых внутренних провинциях страны такого зрелища было не сыскать.

Впрочем, уклад везде отличался. Зажиточные деревни могли позволить себе возвести прочный оборонительный вал и нанять крепких парней для ночных караулов. Бедным же селениям приходилось надеяться лишь на удачу: вся их защита состояла из хлипких плетней вокруг дворов, сквозь которые без труда пролезала бродячая свинья, не говоря уже о разбойниках.

В этом отношении Деревня семьи Дин обустроилась образцово-показательно. Именно поэтому староста трех деревень Дин пользовался особым уважением у самого уездного судьи. Деревня

была крупной, богатой и считалась негласной хозяйкой здешних мест — самым процветающим поселением во всем уезде.

<http://bllate.org/book/19387/1959874>